

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

УДК-902

Дударев Сергей Леонидович

доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
всеобщей и отечественной истории
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Dudarev Sergey Leonidovich

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Professor of the
Department of General and
National History, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)

Савенко Сергей Николаевич

кандидат исторических наук,
заведующий отделом природы
и археологии Пятигорского
краеведческого музея
(г. Пятигорск)

Savenko Sergey Nikolaevich

Candidate of Historical Sciences,
Head of the Department of Nature
and Archeology, Pyatigorsk
Museum of Local Studies
(Pyatigorsk)

**К ИСТОРИОГРАФИИ ФЕНОМЕНА
«КОБАНСКАЯ КУЛЬТУРА»**

**TO THE HISTORIOGRAPHY
OF THE PHENOMENON
«KOBAN CULTURE»**

Аннотация:

Яркий феномен кобанской культуры (культурно-исторической общности, КИО) еще со второй половины XIX в. постоянно интересует археологов-кавказоведов. На сегодня в исследовании этого значительного историко-культурного явления учеными достигнуты серьезные результаты. Написан целый ряд фундаментальных монографий и статей, защищено немало диссертационных исследований, в которых кобанская проблематика прямо или косвенно затрагивается специалистами и предстает как серьезно и основательно

Abstract:

A striking phenomenon of Koban culture (cultural and historical community, KHC) has constantly been of interest to Caucasian archaeologists since the second half of the XIX century. Today, scientists have achieved serious results in the study of this significant historical and cultural phenomenon. A number of fundamental monographs and articles have been published, many dissertational studies have been carried out, in which the Koban problem was directly or indirectly addressed by specialists and appeared

разработанная научная тема. Учеными исследованы и классифицированы разнообразные объекты и обширные коллекции артефактов, определен ареал культуры, высказаны точки зрения о ее локальных вариантах, разработаны вопросы хронологии и периодизации, этнической атрибуции, внешних связей, и др. Сама кобанская КИО является важным этапом в развитии ряда автохтонных народов центральной и восточной части Северного Кавказа. Целью настоящей статьи является краткая характеристика состояния историографической изученности основных блоков кобанской проблематики на сегодняшний день.

Ключевые слова:

кобанская культура (культурно-историческая общность), колхидо-кобанский тип, галыштатская культура, дигорская культура, центральнокавказская культура, посткатакомбный горизонт, протокобанский период, «колхидо-кобанское единство», локальные варианты кобанской культуры, посткуроаракская культура, каякентско-харачоевская культура.

as a seriously and thoroughly developed scientific topic. Scientists have studied and classified various objects and extensive collections of artifacts, determined the area of culture, expressed views on its local variants, developed questions of chronology and periodization, ethnic attribution, external relations, etc. The Koban KHC itself is an important stage in the development of a number of indigenous peoples of the central and the eastern part of the North Caucasus. The purpose of this article is to briefly describe the state of historiographic knowledge of the main blocks of the Koban problem today.

Keywords:

Koban culture (cultural and historical community), Colchis-Koban type, Hallstatt culture, Digor culture, Central Caucasian culture, post-Catacomb horizon, Protokoban period, Colchis-Koban unity, local variants of Koban culture, post-Kuroaraks culture, Kayakent-Kharachoi culture.

Центральные горные области по обе стороны Главного Кавказского хребта, а также северные склоны гор и предгорий Центрального и частично Северо-Восточного Кавказа в эпоху поздней бронзы и перехода к раннему железу заселяли племена так называемой кобанской культуры (культурно-исторической общности, далее КИО). Культура названа по месту выразительных находок в сел. Верхний Кобан на территории Северной Осетии в ущелье р. Гизельдон.

По современным научным данным кобанская культура сформировалась в середине – второй половине II тысячелетия до н. э. в горах и ущельях Центрального Кавказа: на севере – в верховьях Терека и его притоков, а на юге – в верховьях рек Риони, Большой и Малой Лиахвы, Ксани, Арагвы. В период расцвета культуры она распространилась на широких пространствах центральных районов Северного Кавказа и Предкавказья от междуречья Урупа и Большого Зеленчука на западе, до левобережья р. Аксай на востоке. В северном направлении «кобанцы» продвинулись за линию Моздока и на Ставропольскую возвышенность. Много памятников кобанского облика в юго-западном Ставрополье и на территории Карачаево-Черкесии. По этим территориям пролегла граница с памятниками прикубанской области или культуры. В целом же наиболее репрезентативными памятниками рассмотренной КИО являются могильники Верхне-Кобанский, Тлийский, Эльхотовский [1], Айдадонский, Змейское поселение (Северная и Южная Осетия), Сержень-Юртовские поселение и могильник (Чечня), могильники «Мебельная фабрика», Клин-яр III [2], поселение и могильник Уллубаганалы 2 (район Кавминвод) и некоторые другие.

К середине 1990-х гг. в очерченных границах Северного Кавказа и в Закавказье было известно около 500 памятников кобанской КИО в более чем 150 пунктах Кавказа. В это число входило более 160 поселений, 240 могильников, 20 металлопроизводственных бронзолитейных комплексов, 12 остатков святилищ и культовых мест в границах поселений и за их пределами, 10 кладов воинского и всаднического снаряжения [3, с. 8-9].

В последующие годы выявление и исследование кобанских памятников продолжалось, причем в отдельных районах в широком масштабе. Так, в Кисловодской котловине в ходе детальных разведок 1996 – начала 2000-х гг., проведенных Д.С. Коробовым, Г.Е. Афанасьевым и С.Н. Савенко было зафиксировано около 200 объектов кобанской культуры [4], только 70 из которых было известно ранее [5, с. 31-41]. В последующие годы процесс выявления и частичного изучения кобанских памятников был продолжен в Д.С. Коробовым и А.В. Борисовым. Важное открытие в районе было сделано в ходе работ 2003-2004 гг. и развито в последние годы. Это выявление новой разновидности памятников эпохи поздней бронзы – остатков поселений

с каменной архитектурой и симметричной планировкой XIII – IX вв. до н. э. с характерным для западнокобанской культуры материалом. Сейчас таких объектов в верховьях рек Кисловодской котловины, Эшкакона, Подкумка и Кумы известно более 150 [6, с. 49-51; 7, с. 177-220]. Последнее время ознаменовалось новыми яркими многочисленными и разнообразными раннекобанскими находками на территории Северной Осетии [8, с. 178-293] и, прежде всего, в районе строительства Зарамагской ГЭС [9, с. 376-380].

Хронологические границы данной КИО определялись учеными с конца XIX в. по-разному – от XX в. до н. э. (Ж. Морган) до III в.н. э. (Е.П. Алексеева). Самую узкую датировку кобанских древностей давал в 1940-е – 1950-е гг. А.А. Иессен. К периодизации кобанского феномена неоднократно обращался его выдающийся кавказовед Е.И. Крупнов, оставивший фундаментальный труд, высоко оцененный на научном и правительственном уровне [10]. Им выделялось 3 периода: 1) формирования и становления культуры – раннекобанский – середина XII – середина IX в. до н. э.; 2) расцвета – классический – середина IX – середина VII в. до н. э.; 3) переоформления культуры под влиянием племен скифо-сарматского круга – поздний – 2-я половина VII – V – начало IV в. до н. э. [5, с. 76; 11, с. 6]. На дальнейшую разработку кобанской хронологии, особенно центральной части кобанских памятников, во многом повлияли исследования блестящих и обильных материалов Тлийского могильника в Юго-Осетии Б.В. Теховым, особенно пласта материалов XVI-X вв. до н. э. [12, с. 18-37; 13, 14]. Определенную роль в этом направлении также сыграли усилия немецкого ученого Г. Коссака [15], отечественных ученых В.Б. Виноградова, С.А. Дударева, В.Г. Котовича, Ю.Н. Воронова, А.Ю. Скакова и др. Старейший отечественный кобановед В.И. Козенкова обстоятельно изучала вопросы хронологии кобанской КИО в целом, особенно в конце 1980-х – середине 1990-х гг. В общем, ее периодизация развивала схему Е.И. Крупнова, но были внесены и уточнения. В развитии культуры выделялись 4 периода с несколькими фазами развития: протокобанский – Кобань I (фазы а, б) – XIV – середина XII вв. до н. э., ранний – Кобань II – середина XII – середина X вв. до н. э., «классический» Кобань III (фазы А, Б) – середина X – 2-я половина VII вв. до н. э., поздний (скифское время) – Кобань IV (фазы а, б) – середина VII – IV вв. до н. э. [16, с. 64-92]. На эпоху поздней бронзы

приходится протокобанский и ранний, а начало классического периода кобанской культуры – на переходный к раннему железу этап. При этом многие из объектов культуры, возникнув в ранний период, продолжали непрерывно функционировать и в раннежелезном веке в скифское время. Относительная стройность данной периодизации не снимает спорных вопросов особенно на внешних временных границах существования культуры.

В 1975 г. в кандидатской диссертации Л.Н. Панцхава был сделан вывод о том, что «комплексы Тлийского могильника, содержавшие колхидо-кобанские гравированные топоры, датируются в целом VIII – началом VI в. до н. э.». Насколько можно судить по автореферату (сама работа была написана на грузинском языке), погребения Тли были разделены исследовательницей на три хронологические группы: VIII-VII вв. до н. э., VII – начало VI в. до н. э. [17]. Впоследствии в ряде своих публичных выступлений Л.Н. Панцхава продолжала развивать данную точку зрения (например, на Сигнахском Всесоюзном совещании 1978 г., на XII «Крупновских чтениях» 1984 г.). Разработками Л.Н. Панцхава, основанными, во многом, на закономерностях размещения тех или иных видов декора на бронзовых предметах колхидо-кобанского типа, с энтузиазмом воспользовался Ю.Н. Воронов. В защищенной в 1985 г. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, он предложил свой вариант «укороченной» хронологии Тлийского могильника. Функционирование последнего, по Ю.Н. Воронову, охватывало четыре этапа: I (предкобанский) – начало I тысячелетия до н. э.; II (самые ранние комплексы кобанской эпохи) – середина VIII – начало VII в. до н. э.; III – VII в. до н. э.; IV – конец VII-VI в. до н. э. [18]. С коренным пересмотром хронологии Тлийского могильника не согласилась В.И. Козенкова, которая в то же время высказалась за уточнение датировок некоторых комплексов Тли. А.М. Лесков и В.Б. Ковалевская одновременно высказались за то, что значительная часть погребений Тлийского могильника не старше VIII в. до н. э. [19, с. 298].

Наследников поздних кобанских традиций называют в горной зоне Центрального Кавказа и в сарматское время. Е.П. Алексеева (1949) поздний период с VI в. до н. э. доводила до III в. н. э., выделяя в нем два подраздела.

Еще более сложной темой является время и источники происхождения кобанской культуры, занимавшая ученых с момента ее открытия. Еще

в 80-х гг. XIX в. появилась версия о привнесении черт этой КИО из Центральной Европы племенами гальштатской культуры (Р. Вирхов, Э. Шантр, Г. Вильке, М. Гернес). Сторонники этой точки зрения считали, что необыкновенно высокий уровень художественного ремесла, присущий кобанским изделиям, и не имеет местной основы. Но эта точка зрения была отвергнута русскими учеными А.С. Уваровым, П.С. Уваровой, В.А. Городцовым. Ими отстаивались кавказские, в широком смысле слова, истоки культуры.

В советское время вопросами происхождения кобанской КИО занимались А.А. Иессен, Б.А. Куфтин, Е.И. Крупнов, Б.В. Техов, Ю.Н. Воронов, грузинские ученые О.М. Джапаридзе, О.Д. Лордкипанидзе, Р.М. Абрамишвили и многие другие. Продолжалось исследование кобанского феномена и на западе (С. Пршеворский, А. Тальгрэн, Ф. Ганчар и другие). В результате четко обозначилось три основные позиции в понимании возникновения кобанской КИО. К центрально-европейской и общекавказской версиям добавилась третья, исходящая из самостоятельной северокавказской линии формирования культурных основ. Наиболее последовательно северокавказская версия обосновывалась и отстаивалась Е.И. Крупновым. По мнению кавказоведа кобанская КИО возникла на базе локальных вариантов северокавказской культуры и особой дигорской культуры на территории Северной Осетии. Позицию своего научного наставника поддержал и В.И. Марковин (1960), выделивший в материалах III этапа северокавказской культуры памятники с переходными чертами и элементами.

Б.В. Техов, основывавшийся на материалах Тлийского могильника, решал вопросы культурогенеза на фоне центральнокавказского культурного пространства эпохи поздней бронзы, считая кобанскую культуру частью северокавказского варианта центральнокавказской культуры (1971), либо используя термины «центральнокавказская» и «кобанская» культура как синонимы. В 1977 г. ученый пришел к выводу, что к концу II тыс. до н. э. богатая бронзовая культура постепенно проникла с южного склона Главного Кавказа на северный, где образовалась ее периферия. При этом он полагал, что территория нынешней Чечни и Ингушетии была охвачена этой культурой значительно меньше и была связана с культурами Дагестана и Кахетии [13, с. 214]. Иными словами, характер культуры, отождествляемой с кобанской, на Северном Кавказе был миграционным [20, с. 191-194].

С.Н. Корневский, выявивший в подкурганых погребениях «посткатакомбный» горизонт, принадлежащий общности населения, «представляющей новое образование» в сравнении с предшествующими культурами эпохи средней бронзы, определял культурный контекст происхождения кобанской культуры по-своему. На материалах Кавминвод «посткатакомбный» горизонт был назван «аликоновским», а в Северной Осетии – «архонским» [21, с. 443].

Вопросы происхождения кобанской культуры разрабатывались В.И. Козенковой, с привлечением материалов и позиций А.П. Мошинского [22, с. 48-52]. Наиболее развернутая характеристика темы приведена в монографии В.И. Козенковой 1996 года. Ключевой идеей концепции кобановеда стало выделение переходного протокобанского периода (Кобан I). По мнению ученого, кобанская культура сформировалась в результате воздействия многих факторов различной значимости.

Культурный субстрат лег в основу новой общности и породил особенности локальных вариантов. Инновационные процессы состояли в саморазвитии элементов культуры, демографических изменениях, культурных воздействиях и привнесении чужеродных этнических элементов. Мнение о моноцентризме происхождения ставилось под сомнение, т. к. сложение культуры проходило как на южном, так и на северном склонах Большого Кавказа. Механизм формирования и индивидуализации культуры был многоступенчатым, а материальная основа многокомпонентной. Но главная роль в формировании центрального и западного вариантов кобанской культуры все же оставалась за образованиями раннего этапа позднебронзовой эпохи Юго-Осетии (тлийский вариант), которые продвинулись на северные склоны, вступили во взаимодействие с синхронными культурами Предкавказья и отдельными элементами европейского происхождения. Высокий уровень металлообработки, выразительная графика и скульптура складывались под влиянием культурных центров Закавказья, Ирана, Центральной Европы. Черты новой культуры, по мнению В.И. Козенковой, были выработаны к середине XII в. до н. э.

Этот и ряд других тезисов были поставлены под сомнение Х.Т. Чшиевым в связи с новыми находками в Адайдонском могильнике (Зарамаг). Состав комплексов позволил уточнить датировку материалов периода Кобан I

в рамках XV – начала XIII вв. до н. э., а истоки культуры к еще более раннему времени, возможно, XVII-XVI вв. до н. э., когда относительно суровый климат в горах Центрального Кавказа стал сменяться на более благоприятный. Предложено пересмотреть схему начального развития культуры. Исходным для нее определяется не Тлийский, а Рачинско-Северо-Осетинский культурно-производственный очаг.

Еще одной важной проблемой изучения кобанской КИО является выделение ее локальных вариантов. О локальных отличиях изделий из бронзы кобанской культуры исследователи говорили давно (П.С. Уварова и др.). Одной из первых к теме подошла Е.П. Алексеева, выделившая 4 варианта позднекобанской культуры: центральнокавказский, западнокавказский (кабардинский), восточнокавказский (дагестанский) и западнозакавказский (причерноморский) [23, с. 191-257]. В цельном виде концепция локальных вариантов кобанских древностей была сформулирована Е.И. Крупновым в ходе научных исследований конца 1930-х – 1950-х гг. В монографии 1960 г. было констатировано существование трех больших локальных групп: I. Западная, или кабардино-пятигорская; II. Центральная, или северо-осетинская; III. Восточная, или грозненская, вайнахская. В качестве определяющих признаков вариантов рассматривались черты погребального обряда, включая, могильные сооружения, различия в формах и орнаментации керамики. В качестве эталонных избирались 1-2 базовых памятника. Уже в конце 1960-х гг. наметилась тенденция корректировки этой схемы по охвату территорий и содержанию вариантов (Б.В. Техов), установлению границ между ними (И.М. Чеченов) и между культурами (О.М. Давудов).

В начале 1970-х гг. развернулась дискуссия по проблеме локальных вариантов кобанской культуры, в которой участвовали В.Б. Виноградов, И.М. Чеченов и другие [24, с. 74-78; 25, с. 113-122]. Помимо детального анализа особенностей погребального обряда, был внесен более строгий учет ландшафтно-географического размещения памятников с позиций вертикальной зональности (высокогорья, предгорья, плоскость).

Так, В.Б. Виноградов, работая, в основном, с материалами скифского времени (1972), определил: пятигорский вариант; центрально-кавказской горный вариант с иронской, дигорско-балкарской, юго-осетинской и сунженско-

аргунской группами; предкавказский плоскостной вариант с западно-лево-бережной и восточно-правобережной терскими группами. Памятники Юго-Восточной Чечни выделялись в особую группу или вариант контактного характера между кобанской и каякентско-харачоевской культурами. И.М. Чеченов (1974) назвал варианты кобанской культуры: пятигорским, горнокавказским и терско-сунженским. Для них в дальнейшем были определены различные источники и компоненты формирования (горный сложился на основе посткуроаракской культуры, пятигорский и терско-сунженский – на базе «северокавказской» культуры) [26, с. 447-448]. Среди 12 вариантов колхидо-кобанской этнокультурной общности, выделяемых Ю.Н. Вороновым, VIII-X варианты на северном склоне Кавказского хребта он сохранил в формулировке Е.И. Крупнова [27, с. 192]. Концепцию Е.И. Крупнова с периода дискуссии до настоящего времени продолжает развивать В.И. Козенкова. Она допускает некоторые непринципиальные корректировки схемы, существование в контактных зонах (Юго-Осетия, Юго-Восточная Чечня) смешанных памятников и элементов, а также различные характеристики культурных особенностей в зависимости от подходов к материалу. Так, термин «колхидо-кобанское единство» представляется исследователю уместным при рассмотрении темы с позиций развития металлургии и металлообработки кобанской культуры как части кавказской области (провинции).

Одной из основных причин существенного своеобразия восточного варианта являлось то, что на востоке и юго-востоке Чечни древние кобанцы тесно соприкасались с носителями устойчивых традиций поздней каякентско-харачоевской культуры и других прадагестанских культурных групп. Исследователи выделяют памятники предкобанского (например, Майртупский могильник в своей самой ранней части – В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев) [28, с. 361-403: 29, с. 5-6; 30, с. 35-50] и смешанного типа. В.И. Марковин в одной из последних обстоятельных работ по теме о Зандакском могильнике (2002) даже базовый для восточного варианта кобанской культуры по В.И. Козенковой Сержень-Юртовский могильник называет не кобанским, а оставленным «...населением, воспринявшим интенсивное культурное воздействие действительно кобанских племен» [31, с. 149].

Наконец, коснемся проблем этнического отождествления носителей кобанской КИО. По мнению ряда исследователей, кобанская (кобано-тлийская)

культура оставлена киммерийцами, ираноязычными племенами (Л.А. Ельницкий, Л.И. Лавров, Н.Л. Членова, в последние годы – Б.В. Техов) [32, с. 483]. В недавнее время появилась нетрадиционная трактовка, согласно которой кобанская культура «была неоднородна по этническому составу и включала в себя как представителей германского, так и тюркского (курсив наш – Авт.) этносов. Ряд фактов указывают на два тюркских компонента в кобанской среде. Одни говорили на языке огузской ветви – «йюкающий» диалект, предположительно туркмены, а другие на «джокающем» диалекте тюркского языка – протоболгары, предки нынешних балкарцев и карачаевцев. Германский язык, на котором разговаривала часть кобанцев, был близок по лексике современному немецкому языку» [32, с. 31-33].

Большинство же специалистов признают кавказские корни кобанского феномена (адыго-абхазские, нахские, картвельские) (В.Б. Виноградов, В.Н. Гамрекели, Ю.Д. Дешериев, В.И. Козенкова, Е.И. Крупнов, Г.А. Меликишвили, А.И. Робакидзе, Я.А. Федоров, Р.Л. Хорадзе, К.З. Чокаев и др.). Материалы, проанализированные С.Л. Дударевым, показывают, что в IX – первой половине VII в. до н. э. никакого широкого проникновения кочевников-иранцев в автохтонную среду не происходило [33, с. 5]. Отдельные проникновения в горные ущелья кочевых включений не нарушали поступательного развития местного этнического элемента, а сами пришельцы быстро растворялись среди кавказцев (Хосрех). Единственным ощутимым свидетельством непосредственного, хотя и относительно кратковременного, контакта жителей Северо-Восточного Предкавказья (главным образом, предгорно-плоскостного Притеречья) с номадами было появление, а затем и угасание, обряда конских захоронений (Сержень-Юрт, Зандак, Аллерой и др.) [34, с. 101].

Таким образом, кобанская КИО на нынешнем этапе исследования – интересный, оригинальный и многообразный феномен, характеристики которого на сегодня являются в целом достаточно основательными и убедительными, благодаря усилиям многих специалистов, трудившихся на ниве изучения данного незаурядного явления, хотя это не исключает существования ряда неоднозначных, существенно различающихся трактовок и дискуссионных ситуаций. Остаются вопросы, как связанные с генезисом кобанской КИО, так и ее хронологии, этнокультурной атрибуции и т. д. Можно надеяться,

что в первой половине XXI в. будут совершены новые важные подвижки в разработки кобанской проблематики, залогом чего является и применение естественно-научных, в частности, активно развивающихся и приобретающих все большую популярность палеоэкологических, палеодемографических, палеогенетических методов изучения полученных данных [35; 36].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чшиев В. Т. Эльхотовский могильник как эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Т. Чшиев. – М., 2017. – 39 с.
2. Белинский А. Б. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа / А. Б. Белинский, С. А. Дударев. – Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2015. – 446 с.
3. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннежелезного века (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры) / В. И. Козенкова. – М. : ИА РАН, 1996. – 164 с.
4. Афанасьев Г. Е. Древности Кисловодской котловины / Г. Е. Афанасьев, С. Н. Савенко, Д. С. Коробов. – М. : Научный мир, 2004. – 204 с.
5. Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант / В. И. Козенкова. – САИ. Вып. В 2–5. – М. : Наука, 1989. – 196 с.
6. Белинский А. Б. Изучение поселений кобанской культуры с симметричной планировкой: новые результаты / А. Б. Белинский, Д. С. Коробов, С. Райнхольд // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). – Владикавказ : СОИГСИ, 2008. – С. 49–51.
7. Белинский А. Б. Ландшафтная археология на Северном Кавказе: первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи поздней бронзы и раннего железа / А. Б. Белинский, Д. С. Коробов, С. Райнхольд // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Археология и краеведение. – Ставрополь : Наследие, 2009. – С. 177–220.
8. Чшиев Х. Т. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии / Х. Т. Чшиев // Археология Северной Осетии. Ч. 1. – Владикавказ : СОИГСИ, 2007. – С. 178–293.
9. Чшиев Х. Т. Раскопки Адайдонского могильника кобанской культуры в 2006-2007 гг. Предварительные итоги исследования / Х. Т. Чшиев // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). – Владикавказ : СОИГСИ, 2008. – С. 376–380.

10. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа / Е. И. Крупнов. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 519 с.
11. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант / В. И. Козенкова // САИ. Вып. В 2–5. – М., 1977. – 87 с.
12. Техов Б. В. Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы – раннего железа Центрального Кавказа / Б. В. Техов // СА. – 1972. – № 3. – С. 18–37.
13. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н. э. / Б. В. Техов. – М. : Наука, 1977. – 239 с.
14. Техов Б. В. Тайны древних погребений / Б. В. Техов. – Владикавказ : Проект-пресс, 2002. – 512 с.
15. Kossack G. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Band 5. Bonn. 1983. – S. 89-191.
16. Козенкова В. И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы / В. И. Козенкова // СА. – 1990. – № 3. – С. 64–92.
17. Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. Н. Панцхава. – Тбилиси, 1975.– 24 с.
18. Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в железном веке (вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю. Н. Воронов. – М., 1984. – 38 с.
19. Козенкова В. И. Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова / В. И. Козенкова // СА. – 1984. – № 4. – С. 291–299.
20. Дударев С. А. Проблема генезиса кобанской культуры в трудах археологов-кавказоведов / С. А. Дударев // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. – Грозный, 1980. – С. 191–194.
21. Кореневский С. Н. Новые источники по эпохам энеолита, ранней и средней бронзы в работах Предгорной экспедиции 1985-1989 гг. / С. Н. Кореневский // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971-2006. – М.–Ставрополь, 2008. – С.443.
22. Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н. э.) / В. И. Козенкова, А. П. Мошинский // Историко-археологический альманах. Вып. 1. – Армавир–М. : АКМ, 1995. – С. 48–52.
23. Алексеева Е. П. Познекобанская культура Центрального Кавказа / Е. П. Алексеева // Ученые записки ЛГУ. № 85, серия историческая. Вып.13. – Л., 1949. – С. 191–257.

24. Виноградов В. Б. Проблема локальных вариантов кобанской культуры на современном этапе исследования (историографический обзор) / В. Б. Виноградов // Известия СКНЦВШ. Общественные науки. – 1976. – № 4. – С. 74–78.

25. Ковалевская В. Б. Археологическая культура: практика, теория, компьютер / В. Б. Ковалевская. – М. : НПБО «Фонд археологии», 1995. – 191 с.

26. Чеченов И. М. К проблеме происхождения кобанской культуры и ее локальных вариантов / И. М. Чеченов, Б. Х. Атабиев // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971-2006. – М. : Памятники исторической мысли ; Ставрополь : Наследие, 2008. – С. 447–448.

27. Воронов Ю. Н. Западнокавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа (колхидо-кобанская культура) / Ю. Н. Воронов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971-2006. – М. : Памятники исторической мысли ; Ставрополь : Наследие, 2008. – С. 192.

28. Vinogradov V., Dudarev S. Spätbronzezeitliche Gräberfelder bei Majrtup in Şeçenien // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasien. – Band 6. – Berlin, 2000. – S. 361-403.

29. Виноградов В. Б. Могильники позднего бронзового века у сел. Майртуп в Чечне / В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 1. – Армавир : ЦАИАГПА, 2003. – С. 5–6.

30. Дударев С. Л. К этнокультурной интерпретации памятников юго-восточной части бассейна р. Терека конца эпохи поздней бронзы – начала раннего железа / С. Л. Дударев // Сборник научных трудов Сергея Леонидовича Дударева : статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. – М. : Илекса, 2011. – С. 35–50.

31. Марковин В. И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су. Северо-Восточный Кавказ / В. И. Марковин. – М. : Наука, 2002. – 154 с.

32. Тилов Р. Р. Говорящая бронза Кавказа: Этническая интерпретация племен кобанской культуры / Р. Р. Тилов. – Нальчик : Полиграфсервис и Т., 2008. – 80 с. (Комментарии по ней см.: 21. С. 31–33).

33. Дударев С. Л. Иранский мир и Кавказ: некоторые вопросы этнической атрибуции кобанской культуры / С. Л. Дударев // ВЮИ. – Вып. 11. – М. ; Армавир, 2006. – С. 5–10.

34. Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н. э.) / С. Л. Дударев // Сборник научных трудов Сергея Леонидовича Дударева : статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. – М., 2011. – С. 100–113.

35. Белинский А. Б. К вопросу об экологической обстановке в районе могильника Клинь-яр III в начале раннего железа / А. Б. Белинский, С. Л. Дударев // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). – Ессентуки–Кисловодск, 2002. – С. 15–18.

36. Дударев С. Л. К палеоантропологической и палеодемографической характеристике населения Клинь-яра раннекобанской эпохи / А. Б. Белинский, С. Л. Дударев // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). – Ессентуки–Кисловодск, 2002. – С. 51–55.

REFERENCES

1. Chshiev V. T. El'hotovski jmogil'nik kak etalonnij pamyatnik kobanskoj kul'tury predgornoj zony Severno jOsetii: avtoref. diss. kand. ist. nauk [Elkhotovsky burial ground as a reference monument of the Koban culture of the foothill zone of North Ossetia: candidate of hist. sciences thesis]. M., 2017, 39 p. [In Russian].

2. Belinskij A. B., Dudarev S.L. Mogil'nik Klin-Yar III i ego mesto sredi drevnostej Kavkaza i Yugo-Vostochnoj Evropy nachala epohi rannego zheleza [The Klin-Yar III burial ground and its place among the antiquities of the Caucasus and Southeast Europe of the early Iron Age]. Stavropol': Dizajn-studiya B, 2015, 446 p. [In Russian].

3. Kozenkova V.I. Kul'turno-istoricheskie processy na SevernomKavkaze v epohu pozdnej bronzy i rannego zheleznogo veka (uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoj kul'tury) [Cultural and historical processes in the North Caucasus during the Late Bronze Age and Early Iron Age (key problems of the origin and development of Koban culture)]. M.: IA RAN, 1996, 164 p. [In Russian].

4. Afanas'ev G.E., Savenko S.N., Korobov D.S. Drevnosti Kislovodskoj kotloviny. [Antiquities of the Kislovodsk Basin]. M.: Nauchnyj mir, 2004, 204 p. [In Russian].

5. Kozenkova V.I. Kobanskaya kul'tura. Zapadnyj variant [Koban culture. Western variant]. SAI.Vyp. V 2-5. M.: Nauka, 1989, 196 p. [In Russian].

6. Belinskij A.B., Korobov D.S., Rajnhol'd S. Izuchenie poselenij kobanskoj kul'tury s simmetrichnoj planirovkoj: novye rezul'taty [The study of the settlements of Koban culture with a symmetrical layout: new results]. Yubilejnye XXV «Krupnovskie chteniya» po arheologii Severnogo Kavkaza). Vladikavkaz: SOIGSI, 2008, pp.49-51 [In Russian].

7. Belinskij A.B., Korobov D.S., Rajnhol'd S. Landshaftnaya arheologiya na Severnom Kavkaze: pervye rezul'taty issledovaniya predgornogo landshafta Kislovodska epohi pozdnej bronzy I rannego zheleza [Landscape archeology in the North Caucasus: the first results of a study of the foothill landscape of Kislovodsk in the Late Bronze and Early Iron Age]. Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo

Kavkaza. Vyp. IX. Arheologiya i kraevedenie. Stavropol': Nasledie, 2009, pp. 177-220 [In Russian].

8. Chshiev H.T. Pamyatniki kobanskoj kul'tury na territorii Severnoj Osetii [Monuments of Koban culture in the territory of North Ossetia]. Arheologiya Severnoj Osetii. Ch.1. Vladikavkaz: SOIGSI, 2007, pp.178-293 [In Russian].

9. Chshiev H.T. Raskopki Adajdonskogo mogil'nika kobanskoj kul'tury v 2006-2007 gg. Predvaritel'nye itogi issledovaniya [Excavations of the Adaydon burial ground of Koban culture in 2006-2007. Preliminary research findings]. Yubilejnye XXV «Krupnovskie chteniya» po arheologii Severnogo Kavkaza). Vladikavkaz: SOIGSI, 2008, pp. 376-380 [In Russian].

10. Krupnov E.I. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza [The ancient history of the North Caucasus]. M.: Publishing House of AS USSR, 1960, 519 p. [In Russian].

11. Kozenkova V.I. Kobanskaya kul'tura. Vostochnyj variant [Koban culture. East variant]. SAI. Iss. V2-5. M., 1977, 87 p. [In Russian].

12. Tekhov B.V. Tlijskij mogil'nik i problema hronologii kul'tury pozdnej bronzy – rannego zheleza Central'nogo Kavkaza [Tliysky burial ground and the problem of the chronology of Late Bronze culture – the early iron of the Central Caucasus]. SA, 1972, no. № 3, pp. 18-37 [In Russian].

13. Tekhov B.V. Central'nyj Kavkaz v XVI-X vv. do n.e. [Central Caucasus in the 16th – 10th centuries BC]. M.: Nauka, 1977, 239 p. [In Russian].

14. Tekhov B.V. Tajny drevnih pogrebenij [Secrets of ancient burials]. Vladikavkaz: Proekt-press, 2002, 512 p. [In Russian].

15. Kossack G. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythen zeitlichen Formenkreises im Kaukasus. Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Band 5. Bonn, 1983, pp. 89-191.

16. Kozenkova V.I. Hronologiya kobanskoj kul'tury: dostizheniya, opyt, utochneniya, nereshennye problemy [Chronology of Koban culture: achievements, experience, clarifications, unsolved problems]. SA, 1990, no. 3, pp.64-92 [In Russian].

17. Pantskhava L.N. K istorii hudozhestvennogo remesla kolhidskoj i kobanskoj kul'tur: avtoreferat kand. diss. [On the history of the artistic craft of Colchis and Koban cultures: candidate of hist. sciences thesis]. Tbilisi, 1975, 24 p. [In Russian].

18. Voronov Yu.N. Vostochnoe Prichernomor'e v zheleznom veke (voprosy hronologii i interpretacii pamyatnikov VIII v. do n.e. – VIII v. n.e.): autoref. diss. dokt. ist. nauk [Eastern Black Sea coast in the Iron Age (questions of chronology and interpretation of monuments of the VIII century B.C. – VIII century A.D.): Eastern Black Sea coast in the Iron Age (questions of chronology and interpretation of monuments of

the VIII century A.D. – VIII century A.D.): doctor of hist. sciences thesis]. M., 1984, 38 p. [In Russian].

19. Kozenkova V.I. Konferenciya, posvyashchennaya 80-letiyu so dnyarozhdeniya Evgeniya Ignat'evicha Krupnova [Conference dedicated to the 80th birthday of Yevgeny Ignatievich Krupnov]. SA, 1984, no. 4, pp. 291-299 [In Russian].

20. Dudarev S.L. Problema genezisa kobanskoj kul'tury v trudah arheologov-kavkazovedov [The problem of the genesis of Koban culture in the works of Caucasian archaeologists]. Voprosy istorii istoricheskoi nauki Severnogo Kavkazai Dona. Iss. 2, pp. 191-194 [In Russian].

21. Korenevskij S.N. Novye istochniki po epoham eneolita, rannej i srednej bronzy v rabotah Predgornoj ekspedicii 1985-1989 gg. [New sources on the eneolithic, early and middle bronze eras in the works of the Piedmont expedition 1985-1989]. Materialy po izucheniy uistoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Iss. VIII. Krupnovskie chteniya. 1971-2006. M., Stavropol', 2008, p. 443 [In Russian].

22. Kozenkova V.I., Moshinskij A.P. Kobanskaya kul'tura Kavkaza: geneticheskie korni i usloviya formirovaniya (tret'ya chetvert' II tys. do n.e.) [Koban culture of the Caucasus: genetic roots and formation conditions (third quarter of II millennium BC)]. Istoriko-arheologicheskij al'manah. iss. 1. Armavir-M.: AKM, 1995, pp. 48-52 [In Russian].

23. Alekseeva E.P. Pozdnkobanskaya kul'tura Central'nogo Kavkaza [Late Koban culture of the Central Caucasus]. Uchenye zapiski LGU. № 85, seriya istoricheskaya. iss.13. L., 1949, pp. 191-257 [In Russian].

24. Vinogradov V.B. Problema lokal'nyh variantov kobanskoj kul'tury na sovremennom etape issledovaniya (istoriograficheskij obzor) [The problem of local variants of Koban culture at the present stage of research (historiographical review)]. Izvestiya SKNTSVSh. Obshchestvennye nauki. Rostov-na-Donu, 1976. № 4, pp. 74-78 [In Russian].

25. Kovalevskaya V.B. Arheologicheskaya kul'tura: praktika, teoriya, komp'yuter [Archeological culture: practice, theory, computer]. M.: NPBO «Fond arheologii», 1995, 191 p. [In Russian].

26. Chechenov I.M., Atabiev B.H. K probleme proiskhozhdeniya kobanskoj kul'tury i ee lokal'nyh variantov [To the problem of the origin of Koban culture and its local variants]. Materialy po izucheniy uistoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Iss. VIII. Krupnovskie chteniya. 1971-2006. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli. Stavropol': Nasledie, 2008, pp. 447-448 [In Russian].

27. Voronov Yu.N. Zapadnokavkazskaya etnokul'turnaya obshchnost' epohi pozdnej bronzy irannegozheleza (kolhido-kobanskayakul'tura) [West Caucasian ethnocultural community of the Late Bronze Age and Early Iron Age (Colchis-Koban culture)]. Materialy po izucheniy uistoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vypusk VIII. Krupnovskie chteniya. 1971-2006. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli. Stavropol': Nasledie, 2008, p. 192 [In Russian].

28. Vinogradov V., Dudarev S. Spätbronzezeitliche Gräberfelder bei Majrtup in Čečenien. Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasien. Band 6. Berlin, 2000, pp. 361-403.

29. Vinogradov V. B., Dudarev S.L. Mogil'niki pozdneho bronzovogo veka u sel. Majrtup v Chechne [The burial grounds of the late Bronze Age near the village Mayrtup in Chechnya]. Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza. Vyp.1. Armavir: TSAI AGPA, 2003, pp. 5-6 [In Russian].

30. Dudarev S.L. K etnokul'turnoj interpretacii pamyatnikov yugo-vostochnoj chaste bassejna r. Tereka konca epoh ipozdnej bronzy – nachala rannego zheleza [To the ethnocultural interpretation of the monuments of the southeastern part of the river basin Terek of the end of the Late Bronze Age – the beginning of the Early Iron]. Sbornik nauchnyh trudov Sergeya Leonidovicha Dudareva. Stat'i, materialy, recenzii. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya. M: Ileksa, 2011, pp. 35-50 [In Russian].

31. Markovin V.I. Zandakskij mogil'nik epohirannego zheleza na reke Yaryk-Su. Severo-Vostochnyj Kavkaz [Zandaksky burial ground of the Early Iron Age on the Yaryk-Su river. North-East Caucasus]. M.: Nauka, 2002, p. 149 [In Russian].

32. Tilov R.R. Govoryashchaya bronza Kavkaza: Etnicheskaya interpretaciya plemen kobanskoj kul'tury [Talking Bronze of the Caucasus: Ethnic Interpretation of the Koban Tribes]. Nal'chik: Poligrafservis i T., 2008, 80 p.; Kommentarii po nej sm.: 21, pp. 31-33 [In Russian].

33. Dudarev S.L. Iranskij mir i Kavkaz: nekotorye voprosy etnicheskoy atribucii kobanskoj kul'tury [Iranian World and the Caucasus: Some Issues of Ethnic Attribution of Koban Culture]. VYuI. Vyp.11. M.; Armavir, 2006, pp. 5-10 [In Russian].

34. Dudarev S.L. Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoj Evropy v predskifskuyu epohu (IX – pervaya polovina VII v. do n.e) [Interactions between of North Caucasian Tribes With Nomads Of South-East Europe in The Pre-Scythian Epoch (IX – first half of the VII century BC)]. Sbornik nauchnyh trudov Sergeya Leonidovicha Dudareva. Stat'i, materialy, recenzii. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya. M., 2011, pp. 100-113 [In Russian].

35. Belinskij A.B., Dudarev S.L. K voprosu ob ekologicheskoy obstanovke v rajone mogil'nika Klin-yar III v nachale rannego zheleza [On the environmental situation in the

area of the Klin-yar III burial ground at the beginning of the early iron]. XXII «Krupnovskie chteniya» po arheologii Severnogo Kavkaza (tezisy dokladov). Essentuki-Kislovodsk, 2002, pp. 15-18 [In Russian].

36. Dudarev S.L., Belinskij A.B. K paleoantropologicheskoy i paleodemograficheskoy karakteristike naseleniya Klin-yara rannekobanskoj epohi [On the paleoanthropological and paleodemographic characteristics of the Klin-Yar population of the Early Coban era]. XXII «Krupnovskie chteniya» po arheologii Severnogo Kavkaza (tezisy dokladov). Essentuki-Kislovodsk, 2002, pp. 51-55 [In Russian].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев С.Л. К историографии феномена «Кобанская культура» / С.Л. Дударев, С.Н. Савенко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 67–84.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S.L. To the Historiography of the Phenomenon «Koban Culture»/ S.L. Dudarev, S.N. Savenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 4, pp. 67–84. (In Russian).